

ПРЕДДВЕРИЕ

Ровно в 12 часов ночи могучий колокол Ивана Великого возвестил первопрестольной Москве о наступлении Нового 1917 года, и этому звону стали вторить колокола других церквей. Новый год москвичи встретили повышением цен за проезд в трамвае с пяти копеек до гривенника. По распоряжению градоначальника стали приговаривать к тюремному заключению домовладельцев, у кого в жилых помещениях температура падала ниже 13 градусов тепла. В Татьянин день, 12 января, на улицу высыпали студенты с пением «Гаудеамус» и «Дубинушки», но конные стражники разогнали большие собрания. Для косметических и парфюмерных фабрик, «в интересах народной трезвости», перестали отпускать фруктовые эссенции, содержащие спирт. Также запретили появляться на улицах шарманщикам с обезьянами, ввиду заботы о животных.

С 29 января Москва погрузилась во тьму – отключили газовое освещение ввиду экономии топлива. Правда, для привилегированных улиц – Тверская, Петровка и Кузнецкий мост – оставили электрическое освещение. Продукты дорожали. Начались перебои с хлебом, подвоз которого по железной дороге был почти полностью прекращен.

Вряд ли москвичи когда-нибудь с таким упоением судачили о политике, как в 1917 году. Да и можно ли не порассуждать, когда настали времена похлеще Смутного, мир вот-вот перевернется, и, глядишь, кому-нибудь выгода будет, тут не упустить бы планиды.

Первым делом до Москвы докатился из Петрограда слух, что вот кончится зима – и на всех фронтах перейдут в наступление. Так что жди к осени русских в Берлине. Москвичи от хорошей вести, конечно, приосанились и наговорили ворох патриотических речей. Но вскоре пришла иная весть: в Петрограде хлеба нет, там революция, и все министры арестованы. Ну, арестованы, и ладно, мало ли господ проворываются. Да и хлеб подве-

зут, надо только с железнодорожниками поостроже быть. А вот, что поистине потрясло жителей Первопрестольной, привыкших короновать у себя государей, так это отречение от престола императора Николая II. С ужасом спрашивали друг друга: что же теперь будет? Ведь всегда были цари... Но многие радовались, опьяненные «свободой». Повсюду мелькали красные банты, красные флаги, красные полотнища. Срывали царские портреты, распевали про императора скабрезные куплеты.

Один кричит:

– Марсельезу! Марсельезу!

Другой, несмотря на пост:

– Христос воскрес!

Третий затыкнул многолетие Временному правительству.

Лишь протоиерей в церкви плачет, читая народу последний манифест императора. Да офицер с пустым рукавом обескуражен:

– Что же такое? Две было святыни – Бог и царь. Одной не стало... Пойду пьянствовать.

Москва высыпала на улицу, будто в Светлое Воскресение. Группы вооруженных рабочих и студентов радостно тащили в Думу пойманных на квартирах возле своих семей городовых. На Андроньевской, Рогожской, Таганской площадях каждодневно шумели митинги, завершавшиеся шествиями к Кремлю с пением «Интернационала». Даже воры собрали свой митинг в цирке Никитина, потребовав от нового общества оказать поддержку преступнику, приобщить его к свободной и радостной жизни.

7 марта в Москву прибыл А.Ф. Керенский.

8 марта ночью солдаты под конвоем отвели в новую тюрьму – кинотеатр «Унион» на Большой Никитской улице – чинов полиции, привезенных с уездов и с линии железной дороги. Они обвинялись в том, что были «слугами старого режима».

27 апреля придумали новый праздник – одиннадцатилетний юбилей Государственной Думы.

Газета «Труд» 12 мая свой призыв к объединению начала словами: «Товарищи воры, грабители!..»

Уже с марта 1917 года открыто действовало Военное Бюро при Московском Комитете РСДРП (большевиков), которое рассылало в военные части своих агитаторов. Эта организация ежедневно отправляла на фронт не менее трех тысяч газет и одной тысячи брошюр, призывающих к расправе над офицерами.

Появились доселе неслыханные словосочетания: «коренная ломка», «платформа партии», «акт рабочей тактики». Ораторы разясняли еще вчера патриархальным москвичам, что люди делятся не на мужчин и женщин – это для революционных преобразований несущественно, – а на «левых» и «правых», «социалистов» и «черносотенцев», «либералов» и «консерваторов».

– Русские – святой народ! – размахивая пучком газет, радуется профессор Московского университета. – В России великий переворот – и ни капли крови! Невиданное в истории явление!

– Товарищ, посторонись! – кричит извозчик.

– Товарищ, все позволено! – светел лицом рабочий.

– Товарищ! Россия воскресла! – отвечает на пасхальное приветствие дезертировавший с фронта солдат.

– Товарищ! Грабь награбленное! – как молитву, повторяет пьяненький мужичок.

Наступило лето 1917 года. Радость сменялась тревогой за будущее, злобой, что нет хлеба, страхом перед грабежами и насилием, предчувствием надвигающегося хаоса, царства Антихриста.

Тыловые армейские гарнизоны громили винные лавки, а фронтные в полном составе бежали с полей сражения в Москву. В городе появились бесконечные «хвосты» за хлебом, молоком, калашами. Картофель, морковь и свекла распределялись через домовые комитеты. С каждым днем росло число притонов, домов свиданий, тайных ресторанов. Не по глухим лесам, а по людным улицам бродили шайки дезертиров и выпущенных из тюрьм уголовников, наводя страх на мирных обывателей. Россия была пронизана духом полного разложения, недовольства, вседозволенности.

Кондукторша в трамвае, рассердившись на пьяных солдат, вопила:

– Хоть бы немец скорее пришел, показал вам, где раки зимуют!

В Хамовниках толпы народа сутками ходили за вновь явленной чудотворной иконой Божьей Матери «Державная», сжимавшей в руке царский скипетр.

Москва летом 1917 года уже ничем, кроме сурового Кремля и златоглавых храмов, не напоминала богоспасаемый град. Скорее она походила на вонючую клоаку, вобравшую в себя всю подлость революционного времени. Все искреннее, проникнутое любовью к большому Отечеству тонуло в дьявольском искушении вседозволенности.

В июне бастовали официанты, дворники, больничные служащие. Время от времени на Красной площади неизвестно с какой целью проводились парады войск, собранных из дезертиров и тыловых солдат. Правда, 27 июня вышло недоразумение – на Красную площадь выползли фронтные раненые и калек с криками: «Здоровые – все на фронт!» А рядом, на московских бульварах, пышущие здоровьем дезертиры преспокойно дулись в карты. Городская управа наотрез отказалась отдавать гостиницы под госпитали, пояснив, что эти помещения слишком роскошны для больных. Зато в мае 1917 года для нужд Совета рабочих комиссаров были реквизированы две самые фешенебельные – «Дрезден» и «Россия».

С фронта каждодневно одни и те же вести: отступаем, везде отступаем. Из Петрограда тоже каждодневно: заседаем, во всех дворцах заседаем. Из провинции: грабим, всех и вся грабим. Московские обыватели, вернее та часть из них, кто не соблазнился прекраснотушным призывом «Свобода, равенство и братство» и призрачной мечтой о светлом будущем, поняли, что рушится веками строившийся привычный мир. Уныние и равнодушие охватили город.

В городе не работала канализация, стояли трамваи, бастовали заводы. Каждый день мог стать последним для каждого московского обывателя.

«Боже мой! – записывает в своем дневнике москвич Никита Окунев. – Что дела-

ется у нас теперь на Сухаревке, где мирно и тихо продавались, бывало, старые книги, дешевая мебель, поношенная обувь и одежда, и из-под полы что-нибудь краденое, вроде часов, брошек и т. п. Продавцы и покупатели знали друг друга и ходили вместе вспрыскивать покупки в трактиры и чайные. Было и тогда грязно и шумно, но не так страшно грязно и тесно, как теперь. Раньше чернело или пестрело от праздничного базара, а теперь все посерело. Две трети этого скопища состоят из солдат, дезертиров или жуликов, носящих солдатскую форму (для бесплатной езды на трамваях). Одни из них солдаты второй гильдии, т. е. продавцы калош, папирос, муки, масла, казенных солдатских вещей и всевозможных нужных и ненужных товаров, почему-то попадающих теперь в торговлю непременно через солдата. Вот где фронт, вот где тьма русской силы! Не то, чтобы выносилось на рынок то, что произведено за неделю усидчивым трудом, а устойчивым стоянием в хвостах или еще проще – грабежом. Никакой застенчивости, никакой тайны в продаже и покупке краденого или заведомо спекулятивного. Вот оно – торжество хамокрации!»

Наступало что-то грозное, невиданное ранее. С 3 октября стал действовать приказ, запрещающий на время войны въезд в Москву лицам, не проживающим постоянно в этом городе, либо не состоящим в нем на государственной или общественной службе, или не связанным с ним постоянными занятиями. Временное правительство 10 октября распорядилось о переводе в Москву правительственных учреждений Петрограда. Для этого в первую очередь решено эвакуировать из Москвы все институты, Вдовый дом, а также Воспитательный дом и некоторые из городских богаделен. Также приказано было освободить все помещения в зданиях Кремля. Кроме ведомств и учреждений из состава Временного правительства при эвакуации Петрограда в Москву собирались перевести правления банков и страховых обществ. Количество служащих и их семейств, подлежащих переезду в Москву, должно было простираться до 150 тысяч человек.

Не успели, в кровавом октябре 1917 года Временное правительство было свергнуто, и к власти на три четверти века пришли социал-демократы, которые называли себя также большевиками и коммунистами...

1917 ГОД

25 октября/7 ноября¹. Перед рассветом в Петрограде был взят штурмом Зимний дворец, и Временное правительство было низложено. Вечером в Политехническом музее собрался объединенный пленум Московских Советов рабочих и солдатских депутатов. На бурном и долгом заседании приняли резолюцию, поддерживающую петроградские революционные события. Был избран московский Военно-революционный комитет (ВРК), который приступил к немедленным действиям. Эсеры отказались войти в состав ВРК, а меньшевики вошли, чтобы препятствовать действиям большевиков. Деятельностью ВРК по решению МК РСДРП(б) руководил Боевой партийный съезд.

Этим же вечером собралась на экстренное заседание Городская Дума, принявшая резолюцию, что только она является законной властью. Городской голова эсер В.В. Руднев сформировал Комитет общественной безопасности, куда вошли юнкера, офицеры Московского гарнизона и добровольцы «домовой охраны».

Вечером вооруженными отрядами 56-го запасного полка захвачен телеграф, у почтамта выставлена охрана. Телефонное сообщение между Москвой и Петроградом прервано.

26 октября/8 ноября. Не вышли московские газеты «Русское слово», «Русские ведомости», «Раннее утро», «Утро России». Их редакции в 4 часа утра по приказу ВРК были заняты воинскими караулами, которые никого внутрь не пропускали. Рабочие дружины выставили посты у Крымского, Большого Каменного, Москворецкого и Устьинского мостов. К вечеру отряды юнкеров и офицеров сосредоточились в Манеже и около Кремля. На заводе Михельсона солдатам и рабочим начали раздавать оружие. Приказом ВРК Е. Ярославский назначен комиссаром Кремля.

Грузовик с вооруженными солдатами в Москве во время Февральской революции 1917 г.

27 октября/9 ноября. Москва объявлена на военном положении. Утром на Красной площади перестреливались с выпущенными из тюрем дезертирами юнкера. По городу мечутся грузовики, нагруженные солдатами с винтовками на изготовку. Большевики укрепились в Кремле. В электротeatре «Художественный» началась запись студентов в Белую гвардию. Милиция заявила о своем подчинении ВРК. Домовые комитеты начали вооружать квартиранимателей. Когда замолкли вечерние колокола и московские обыватели возвращались из храмов домой, город оглушили ружейные залпы – шла борьба за Кремль.

28 октября/10 ноября. К утру юнкера выбили из Кремля 56-й полк. Через Спасские ворота выпустили пленных. То там, то здесь кто-то кого-то расстреливал. Телефоны не работают, банки закрыты, повсюду караулы, дозоры, патрули, перестреливающиеся друг с другом. Всевозможные комитеты соревную-

¹ Даты указаны и по старому, и по новому стилю, так как на новый стиль в России перешли только 1/14 февраля 1918 года.

ютя: кто больше захватит комиссариатов, типографий, гаражей, складов. Стрекот пулеметов. В бой вступила артиллерия. А на очередном заседании Поместного Собора Русской Православной Церкви, что проходил в здании Московской духовной семинарии в Лиховом переулке, было принято решение о восстановлении в России патриаршества.

Эмигрантка Д. Д-ва вспоминала: «Я жила тогда на Рождественском бульваре. Стрельба длилась с неделю почти по всему городу, и в особенности в центре, и по главным улицам. Пулеметы были расставлены всюду и по крышам, и на чердаках, и в окнах. Выходить на улицу было более чем рискованно: убивали людей без всякой системы, убивали, чтобы убить; и, во всяком случае, навести ужас. На второй день стрельбы я все-таки решила немного пройтись. Гулять пришлось все время под выстрелами; и, когда я возвращалась домой с черного хода, то в дверь над моей головой вонзилась пуля».

29 октября/11 ноября. Попытка примирения между юнкерами и революционными солдатами сорвалась. В городе не смолкает беспорядочная стрельба, от которой гибнут по преимуществу мирные жители, отважившиеся добежать до ближайшего хлебного магазина. Солдаты захватили Зачатьевский женский монастырь. Большевик Израилев устроил, несмотря на протесты причта, наблюдательный пункт на колокольне храма Христа Спасителя, откуда корректировал прицельную стрельбу по Кремлю. Солдаты и рабочие заняли Симоновские пороховые и Крымские интендантские склады. Профсоюз железнодорожников «Викжель» выдвинул ультиматум о немедленном прекращении гражданской войны в Москве, иначе пригрозил всеобщей железнодорожной забастовкой. «Рабоче-крестьянским правительством» в Петрограде подписан «Декрет о мире» с иноземным врагом, а с соотечественниками развязана война.

Режиссер Евгений Вахтангов записывает: «У нас, на Остоженке, у Мансуровского переулка, пальбы идет весь день почти непрерывно. Выстрелы ружейные, револьверные и пушечные. Два дня уже не выходили на улицу. Хлеба сегодня не доставали. Кормимся тем, что есть. На ночь забиваем окна, чтоб не проник свет. Газеты не выходят. В чем дело и

кто в кого стреляет – не знаем. Телефон от нас не действует. Кто звонит нам – тоже ничего не знает. Кто побеждает – “большевики” или правительственные войска – второй день неизвестно. Трамваи остановлены. Вода и свет есть. Когда это кончится?»

30 октября/12 ноября. Весь день не прекращался ураганный огонь пулеметов по Тверскому бульвару. Большевики заняли почту и телеграф. Повсюду злые солдатские лица. В пять часов вечера начался шквальный обстрел штаба Московского военного округа. В городе появилась какая-то третья вооруженная сила, стреляющая по всем, кто попадет под руку.

31 октября/13 ноября. Артиллерия бьет и бьет по телефонной станции, Городской Думе, «Метрополю», жилым кварталам – с Пресни, Кудринской площади, Замоскворечья. Весь день с колоколен центра Москвы стреляют по засевшим в Кремле и уже истратившим последние патроны юнкерам. Нервы москвичей, изголодавшихся в подвалах своих домов, от непрерывной канонады начинают сдавать.

Артиллеристы у орудия, обстреливающего Кремль, в первые дни ноября 1917 г.

Режиссер Евгений Вахтангов записывает: «Весь день не работает телефон. Мы отрезаны совершенно, ничего не знаем. Стрельбы идет беспрерывно».

1/14 ноября. Стреляют по всей Москве. Революционные войска с боем взяли телефонную станцию. Началась усиленная бомбардировка центра города. Тяжелые орудия беспорядочно бьют по Кремлю. Руководит расстрелом величайшей русской святыни революционный деятель и астроном П.К. Штернберг. Артил-

лерист Туляков панорамы в этот день не нашел – пришлось прицеливаться по Кремлю через дуло. Перелет был в двенадцать верст, убило пятерых обывателей. Второй снаряд ударил по трубе завода Гужона, третий – по Златорожскому валу. «Буржуазная» пресса, как и в предыдущие дни, не вышла. Газета «Социал-демократ», которую выпускали люди, никогда не нюхавшие фронтового пороха, заявила, что «самое имя офицера стало слишком ненавистно народу».

Москвич Н.М. Шапов записывает: «Население и часть гарнизона пассивны. Солдатам помогает, кажется, ничтожная часть рабочих... Днем на улицах экипажей почти нет. Трамвай стоит. Пешеходов порядочно – бегают по знакомым узнавать новости. Патрули – по два-три солдата с ружьями. Съестные лавки торгуют, ворота заперты, за ними дежурства жильцов, организованные домовыми комитетами. Издали слышны отдельные ружейные и орудийные выстрелы».

2/15 ноября. Всю ночь гремели орудия. К утру город, за исключением Кремля, полностью перешел в руки Военно-революционного комитета. Комитет общественной безопасности укрылся в Кремле. На улицах повсюду оборванные трамвайные провода, выбитые стекла, опустевшие баррикады. Пустынна Москва, лишь пикеты на перекрестках и грузовики с солдатами, спешащие на позиции – к стенам Кремля. Пушки, поставленные на Никольской улице, прямой наводкой бьют по Никольским воротам Кремля.

В 4 часа дня на Курский вокзал прибыл революционный отряд в количестве 2000 человек.

В 5 часов дня был подписан договор между Военно-революционным комитетом и Комитетом общественной безопасности:

1. Комитет общественной безопасности прекращает свое существование.

2. Белая гвардия возвращает оружие и расформируется. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружия. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. ВРК гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

Юнкера на охране Московского Кремля в дни Октябрьской революции 1917 г.

3. Для разрешения вопроса о способах разоружения, о чем говорится в п. 2, организуется комиссия из представителей ВРК, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. С момента подписи мирного договора обе стороны немедленно отдадут приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5. При подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются.

В 9 часов вечера ВРК подписал приказ о прекращении военных действий и разослал его по районам.

3/16 ноября. Последний снаряд был выпущен по Кремлю в шесть часов утра. Юнкера, оставшиеся без патронов, сдались. Главная святыня России, твердыня русского духа – Московский Кремль – в горячих, сочащихся кровью ранах, нанесенных рукою своего же народа. Пробоины в главном куполе Успенского собора, стенах Чудова мона-

стыря. Обезглавлена Беклемишевская башня, зияет дырами собор Двенадцати апостолов, повреждены Рождественский и Архангельский. Драгоценные украшения патриархов: митры, поручи, а также старинная церковная утварь – выброшены из витрин Патриаршей ризницы и втопнаны в кучи песка и пепла. Стены храма Николая Гостунского исписаны кощунственными надписями на русском и немецком языках. При входе в него, где хранится великая святыня – часть святых мощей святителя Николая чудотворца, устроено отхожее место. На лике Казанской иконы Божьей Матери, что на Троицких воротах, – пулевые отметины. Расстрелян и образ святителя Николая чудотворца на Никольской башне. На Соборной площади лужа крови, труп юнкера. Победившие большевики издали грозные приказы о немедленном прекращении забастовок, открытии всех магазинов, лавок, трактиров.

Прекратили забастовку служащие телеграфа.

В 4 часа дня началось разоружение юнкеров Александровского военного училища.

Москвич Н.М. Шапов записывает: «Пешеходов много, появились ломовые, откры-

Пулеметчики на охране Боровицких ворот Московского Кремля в дни Октябрьской революции 1917 г.

лись магазины, кроме съестных. Вчера было заседание Басманного комитета кадетской партии; решили считаться с властью большевиков и при надобности помогать ей по обеспечению порядка, безопасности, продовольствия... Трамваев, уличного освещения, телефона, полиции нет».

4/17 ноября. В городе спокойно, даже непривычно без стрельбы. Но не работают ни банки, ни телефон, ни телеграф. Трамваи стоят. Комиссаром города с правами командующего округом назначен тыловой солдат А.И. Муралов. Сбит крест с одной из глав собора Василия Блаженного. Кремлевские ворота на запоре, возле них стража. С этого дня Московский Кремль без особого распоряжения властей стал недоступен жителям России.

Москвич М.Н. Шапов записывает: «Смотрел разрушения в городе. Внутри Бульварного кольца трамвайные провода порваны. Много битых стекол. Церковь святого Евлпа около телефонной станции изрешечена пулями; у иконы разбито стекло, икона цела, перед ней толпится народ... Оба фасада «Метрополя» пробиты снарядами, разбит северо-западный угол Думы. Несколько снарядов разворотили местами Никольские ворота в Кремле... Пострадали башня Кутафья, Троицкие ворота. На Тверской стоят орудия. Улицы полны народа. Отзывы в толпе о большевиках больше неслестные. Почтамт и телеграф открылись, перед ними очереди».

5/18 ноября. В переполненном храме Христа Спасителя, вмещавшем двенадцать тысяч человек, после совершения часов митрополит Киевский и Галицкий Владимир на особом столике, поставленном в святом алтаре по левую сторону престола, собственноручно начертал на одинакового вида и размера пергаментях имена трех избранных кандидатов на патриаршество. Засим митрополит Владимир свернул каждый жребий в трубочку, надел на них по резиновому кольцу и вложил в особый ковчежец, где они разместились вполне свободно, встряхнул ковчежец, закрыл и перевязал его тесьмой, концы которой запечатал сургучной печатью. Взявши ковчежец в руки, митрополит Владимир вынес его из святого алтаря на солею и поставил на особо уготовленном тетраподе¹ с ле-

¹ Тетрапод – стол (церк.)

вой стороны от царских врат перед малою Владимирскою иконою Божьей Матери.

Во все время божественной литургии при ковчежце безотлучно находились профессор Казанской духовной академии Лапин, профессор Петроградской духовной академии Соколов и крестьянин села Красная Поляна Головецкой волости Сибирской епархии Малов. Когда читали Апостол, из Успенского собора принесли чудотворную Владимирскую икону Божьей Матери и поставили на том же тетраподе, где был ковчежец со жребиями. Слушали евангельский текст о воскрешении дочери Иаира и исцелении кровоточащей женщины. И чудилось, что дочь Иаира – символ возрождения Русской Церкви, а исцеление прикоснувшейся к ризе Христовой женщины – выздоровление кровоточащей России. Ах, как хотелось этому верить! И верили.

По окончании божественной литургии и молебна митрополит Владимир взшел на солею, поднял ковчежец и в виду всех присутствующих сотряс его. Принявши в руки ножницы, владыка разрезал тесьму и поднял с ковчежца крышку. Из алтаря вышел старец – затворник Зосимовой пустыни иеромонах Алексей, уже давно отвыкший видеть земное, но вернувшийся в мир, чтобы исполнить Божию волю. Он долго молился перед чудотворной Владимирской иконой Богоматери, и вместе с ним молился весь храм, потом троекратно осенил себя крестным знаменем и благоговейно вынул из ковчежца «по указанию Божию» жребий.

Митрополит Владимир развернул его и прочел:

– Митрополит Московский и Коломенский Тихон.

– Аксиос!¹ – выдохнул храм.

– Аксиос! – возгласил митрополит

– Аксиос! Аксиос! Аксиос! – запело духовенство, хор и весь народ.

Свершилось! Отныне забудутся распри, не прольется больше безвинная кровь, не распадется государство. Отныне у народа есть заступник, и Русская Церковь не оставлена Богом. На патриарший престол по воле Господней избран достойнейший – полный любви к людям и необычайной просто-

ты, доброжелательный и беспорочный архипастырь России Тихон.

Торжественная делегация членов Собора направилась на Самотеку, в церковь Троицкого подворья, где в этот день молился владыка Тихон, и митрополит Владимир торжественно благовестил:

– Преосвященнейший митрополит Тихон, Священный и Великий Собор призывает твою святыню на патриаршество богоспасаемого града Москвы и всея России.

– Понеже Священный и Великий Собор судил мене, недостойного, быти в такове служении, благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю, – ответил владыка Тихон, низко поклонившись своему народу.

Избранник понял, что ему, как и всей Церкви, предстоит вступить на путь мученичества. Но 5 ноября 1917 года в его провидческих словах немногие различили предвестие пророка. Поняли их чуть позже, в тюрьмах, ссылках, на краю поспешно вырытых могил, возле оскверненных мощей, разрушенных алтарей, трупов замученных братьев и сестер.

Владыка Тихон сказал в день своего избрания:

– Ваша весть об избрании меня в патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: Плач, и стон, и горе, и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль (Иез. 2, 10; 3, 1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно в настоящую тяжелую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа, пророку Моисею, и мне придется говорить ко Господу: Для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка... Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня (Чис. 11, 11–14). Отныне на меня возлагается попечение о всех церквях Российских и предстоит умирание за них во вся дни.

На утреннем заседании Военно-революционного комитета приняты постановления снять в городе проволочные ограждения, засыпать окопы, разрешить ношение

¹ Достоин! (греч.)

на улице оружия только красногвардейцам и солдатам. Также ВРК принял решение о роспуске Городской Думы.

6/19 ноября. Москвич Н.М. Шапов записывает: «Жизнь входит в колею, пошли почтальоны, трамвай, осветились улицы, открылись магазины; перестали спать не раздеваясь».

Группа гласных Городской Думы собралась в здании Думы на очередное заседание, но была разогнана представителями ВРК. Тогда они собрались в помещении университета имени Шанявского на Миусской улице и приняли обращение к москвичам не признавать власти Советов и подчиняться только распоряжениям Думы.

Забастовали служащие Городской управы, врачи, учителя и аптечные работники.

7/20 ноября. Домовые комитеты установили частью круглосуточные, частью ночные дежурства квартирантов у входа в дома для противодействия грабителям.

В Университетской церкви святой Татианы совершена панихида по погибшим в дни вооруженных столкновений студентам.

8/21 ноября. Общее собрание служащих участковых комиссариатов московской городской милиции единогласно постановило прекратить работу впредь до осуществления поставленных условий: удаление ставленников Военно-революционного комитета из всех учреждений московской милиции, возвращение всех уволенных товарищей, восстановление прежнего порядка замещения должностей в милиции. На общей студенческой сходке учащихся высших учебных заведений принято решение отложить проведение занятий до 1 января 1918 года.

В зале заседаний бывшей Городской Думы состоялось собрание районных дум под председательством Н.А. Семашко. Собрание заявило, что единственным органом власти в городе оно признает Моссовет. Избрали Совет районных дум, которому было передано управление городским хозяйством. Председателем бюро Совета был избран большевик М.Ф. Владимировский, заведующим отделом социального обеспечения – В.А. Обух, врачебным отделом – Н.А. Семашко.

Собрание коллектива Большого театра приняло резолюцию об открытии первого сезона после Октябрьской революции.

Московские газеты пестрели заголовками: «На развалинах», «Апофеоз братоубийства», «Со взломом», «Украденный закон», «Братский бой», «Дни ужасов», «Террор»...

9/22 ноября. Под председательством В.П. Ногина состоялось заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. Ногин объявил виновниками кровопролития в Москве юнкеров. Большевики заняли помещения Московской конторы Государственного банка на Неглинной улице.

Один из основателей Коммунистической партии США публицист Джон Рид в этот день приехал из Петрограда в Москву, о чем рассказал в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир»: «В Москве вокзал был совершенно пуст. Мы зашли к комиссару, чтобы сговориться об обратных билетах. Комиссар оказался мрачным и очень юным поручиком. Когда мы показали ему свои мандаты из Смольного, он вышел из себя и заявил, что он не большевик, а представитель Комитета общественной безопасности. Характерная черточка: в общей сумятице, поднявшейся при завоевании города, победители забыли о главном вокзале... Кругом ни одного извозчика. Впрочем, пройдя несколько кварталов, мы нашли, кого искали. До смешного закутанный извозчик дремал на козлах своих узеньких санок. “Сколько до центра города?” Извозчик почесал в затылке. “Вряд ли, барин, вы найдете комнату в гостинице, – сказал он. – Но за сотню, так и быть, свезу...” До революции это стоило всего два рубля! Мы стали торговаться, но он только пожимал плечами. “В такое время не всякий поедет-то, – говорил он. – Тоже храбрость нужна”. Больше пятидесяти рублей нам выторговать не удалось. Пока ехали по молчаливым и снежным, еле освещенным улицам, извозчик рассказал нам о своих приключениях за время шестидневных боев. “Едешь себе или стоишь у угла, – говорил он, – и вдруг – бац! – ядро. Бац! – другое. Та-та-та... – пулемет. Я скорей в сторону, нахлестываю, а кругом эти черти орут. Только найдешь спокойную улочку, станешь на месте да задремлешь – бац! – опять ядро. Та-та-та... Вот черти, право, черти!”

В центре города занесенные снегом улицы затихли в безмолвии, точно отдыхая после болезни. Редкие фонари, редкие торопли-

Похороны жертв Октябрьской революции в Москве у Кремлевской стены.
10/23 ноября 1917 г.

вые пешеходы. Ледяной ветер пробирал до костей. Мы бросились в первую попавшуюся гостиницу, где горели две свечи. “Да, конечно, у нас имеются очень удобные комнаты, но только все стекла выбиты. Если господа не возражают против свежего воздуха...” На Тверской окна магазинов были разбиты, булыжная мостовая разворочена, часто попадались воронки от снарядов. Мы переходили от гостиницы в гостиницу, но одни были переполнены, а в других испуганные хозяева упорно твердили одно и то же. “Комнат нет! Нет комнат...” На главных улицах, где сосредоточены банки и крупные торговые дома, были видны зияющие следы работы большевистской артиллерии. Как говорил мне один из советских работников, “когда нам не удавалось в точности установить, где юнкера и белогвардейцы, мы прямо палили по их чековым книжкам”. Наконец нас приютили в огромном отеле “Националь” (как-никак мы были иностранцами, а Военно-революционный комитет обещал охранять местожительство иностранных подданных). Хозяин гостиницы показал нам в верхнем этаже окна, выбитые шрапнелью. “Скоты! – кричал он, потрясая кулаками по адресу воображаемых большевиков. – Ну, погодите! Придет

день расплаты! Через несколько дней ваше смехотворное правительство пойдет к черту! Вот когда мы вам покажем!...” Мы пообедали в вегетарианской столовой с соблазнительным названием: “Я никого не ем”. На стенах были развешены портреты Толстого».

10/23 ноября. Похороны на Красной площади 229 погибших сторонников ВРК. С Кремлевской стены свешивались красные полотнища с лозунгами «Да здравствует пролетарско-демократическая республика!», «Жертвам – предвестникам всемирной социалистической революции» и т. п.

Москвич Никита Окунев записывает: «Сегодня опять праздник с музыкой, революционными песнями. Процессиями и флагами. Приказано не торговать, не учиться, не работать, а идти на Красную площадь, где вырыты могилы для жертв революции, стоявших на стороне большевиков. По-христиански и по-человечески говорю: упокой их Господи! Но душа не лежит к афишированию этого скорбного, но мрачного торжества... К вечеру ходил на Красную площадь. У самой Кремлевской стены, напротив Верхних рядов, погребены сегодня борцы за власть большевиков. Похороны были гражданские... Музыка и песни революции. Моги-

Похоронная процессия. 1917 г.

лы вырыты на площади торжественно, а не где-нибудь в тиши кладбищ. Все это как-то не идет простому русскому человеку. В народе, окружающем могилы, было какое-то мстительное настроение: из-за буржуев погибли, мы им покажем!»

Джон Рид записывает: «Мы протолкались сквозь густую толпу, сгрудившуюся у Кремлевской стены, и остановились на вершине одной из земляных гор. Здесь уже было несколько человек, в том числе солдат Муралов, избранный на пост московского коменданта, высокий бородатый человек с добродушным взглядом и простым лицом. Со всех улиц на Красную площадь стекались огромные толпы народа. Здесь были тысячи и тысячи людей, истощенных трудом и бедностью. Пришел военный оркестр, игравший «Интернационал», и вся толпа стихийно подхватила гимн, медленно и торжественно разлившийся по площади, как морская волна. С зубцов Кремлевской стены свисали до самой земли огромные красные знамена с белыми и золотыми надписями: «Мученикам авангарда мировой социалистической революции» и «Да здравствует братство рабочих всего мира!» Резкий ветер пролетал по площади, развевая знамена. Теперь начали прибывать рабочие

фабрик и заводов отдаленнейших районов города; они несли сюда своих мертвых. Можно было видеть, как они идут через ворота под трепещущими знаменами, неся красные, как кровь, гробы. То были грубые ящики из неструганых досок, покрытые красной краской, и их высоко держали на плечах простые люди с лицами, залитыми слезами. За гробами шли женщины, громко рыдая или молча, окаменевшие, мертвенно-бледные; некоторые гробы были открыты, а за ними отдельно несли крышки; иные были покрыты золотой или серебряной парчой, или к крышке была прикреплена фуражка солдата. Было много венков из неживых, искусственных цветов... Процессия медленно продвигалась к нам по открывавшемуся перед нею и снова сдвигававшемуся неровному проходу. Теперь через ворота лился бесконечный поток знамен всех оттенков красного цвета с золотыми и серебряными надписями, с черным крепом на верхушках древков. Было несколько и анархистских знамен, черных с белыми надписями. Оркестр играл революционный похоронный марш, и вся огромная толпа, стоявшая с непокрытыми головами, вторила ему... Весь долгий день до самого вечера шла эта траурная процессия».

12/25 ноября. В храме Христа Спасителя по постановлению Церковного Собора отслужена панихида по всем павшим на московских улицах в дни междоусобного кровопролития.

Общее собрание военно-революционных комитетов постановило, что районные военно-революционные комитеты должны прекратить свою деятельность и передать дела исполнительным комитетам районных Советов.

13/26 ноября. Похороны защитников старой власти на Ваганьковском и Братском кладбищах. А. Кокорев вспоминал: «К этому времени большая часть убитых “белогвардейцев” была похоронена родственниками. Заботу об оставшихся тридцати семи, среди которых были прапорщики и юнкера, студентки и курсистки, дети и просто неизвестные штатские, взял на себя Объединенный студенческий комитет. С своим обращением студенты подчеркивали, что церемония будет скромной, без венков, лент и тем более – флагов и лозунгов. Вместо этого желающие могли в любом высшем учебном заведении Москвы установить именные стипендии в память погибших. В ответ на обращение комитета члены Всероссийского Собора Русской Православной Церкви дали свое согласие участвовать в похоронах. Наставным утром 13 ноября площадь у Никитских ворот и прилегающие улицы были так заполнены народом, что само собой остановилось трамвайное движение. Храм Большого Вознесения не мог вместить всех желающих, и в него пускали только по приглашению билетам. Заупокойную литургию служил архиепископ Дмитровский Иоасаф. Под сводами храма мощно звучали хоры – Архангельский, Синодальный и студенческий. В 12 часов из дверей церкви один за другим стали выносить простые, украшенные лишь еловыми ветвями гробы. Толпа с большим трудом расступалась и сквозь этот узкий человеческий коридор неспешно двинулись возглавлявшие процессию архиереи. За ними – хор певчих. Над людским морем зазвучали “Вечная память” и “Святый Боже”. Осторожно, словно боясь потревожить спящих, несли на плечах гробы с телами товарищей студенты и юнкера. Замыкали процессию студенческий хор и оркестр. Скорбный маршрут пролегал по Тверскому бульвару,

затем по Тверской сквозь невиданное многолюдье. Многие плакали, особенно при виде пяти детских гробиков. Наконец шествие достигло Братского кладбища, где до этого москвичам приходилось хоронить лишь героев германской войны. Теперь же на нем зияла провалом братская могила войны гражданской. Зазвучали надгробные речи представителей различных партий и общественных организаций».

ВРК издал приказ, предписывавший предпринимателям уплатить рабочим за дни забастовки во время ноябрьских боев. На заседании исполкома Московского Совета рабочих депутатов принята резолюция о слиянии Советов рабочих и солдатских депутатов.

14/27 ноября. Совместное заседание Московского Совета рабочих и Московского Совета солдатских депутатов. Выбрали единый исполком из 90 человек. Избран президиум Московского Совета рабочих и солдатских депутатов (далее сокращенно – Моссовет) из 15 человек. Председателем президиума Моссовета избран М.Н. Покровский. ВРК сложил свои полномочия, передав всю власть Моссовету (в действительности ВРК некоторое время еще продолжал свою деятельность).

Центральный комитет «Партии народной свободы» уполномочил князя П.Д. Долгорукова приветствовать бывшего управляющего Московской конторой Государственного банка В.Я. Ковальницкого по случаю его освобождения из-под стражи и выразить ему благодарность за мужественное сопротивление притязаниям большевиков.

Постановление СНК о назначении управляющим Московской конторой Государственного банка большевика Т.И. Попова.

15/28 ноября. В Художественном театре состоялось собрание профессионального союза московских актеров, на котором обсуждался вопрос о назначении Военно-революционным комитетом комиссара по делам театров. Принята резолюция, выражающая протест против такого назначения, как игнорирующего право Театрального комитета самостоятельно регулировать театральную жизнь. Военно-революционный комитет утвердил как обоснованный захват фабрики Ганзена фабрично-заводским комитетом и предоставил фабзавкому права юридиче-

ского лица, обязав описать все имущество фабрики.

16/29 ноября. Открылась 4-я Московская окружная конференция большевиков.

Городская управа обратилась ко всем лицам, участвовавшим в ноябрьских боях на стороне Комитета общественной безопасности, представить свои воспоминания и другие материалы для составления отчета о произошедшем кровопролитии.

16/29 ноября. В художественном салоне на Большой Дмитровке открылась выставка Общества художников «Бубновый валет».

17/30 ноября. Вечером в контору Государственного банка явились член ВРК Г.А. Усиевич, комендант Кремля Я.А. Берзин, комиссар по гражданской части М.И. Рогов и потребовали у директоров конторы выдать три миллиона рублей «на нужды городского самоуправления». Все входы конторы перекрыли вооруженные часовые, у главного контролера были отобраны ключи от хранилища. Служащие банка были вынуждены выдать требуемую сумму.

Трамвайные служащие постановили организовать собственное управление, без участия инженеров. Заведующий городскими трамваями М.К. Поливанов вынужден был сложить свои полномочия.

На заседании художественной секции культурно-просветительской комиссии Моссовета образована Комиссия по охране памятников старины и искусства (КОП). Перед комиссией была поставлена задача учета и охраны памятников искусства и архитектуры и, в первую очередь, собраний и зданий Московского Кремля. Первыми членами комиссии стали архитектор П.П. Малиновский, художник К.С. Малевич, скульптор Е.В. Орловский. 6/19 декабря было подписано соглашение о создании единой комиссии между Моссоветом и Объединенным комитетом по охране собраний и памятников искусства и старины. К марту 1918 года членами комиссии стали музеи: Патриаршая ризница, Исторический, Румянцевский, Изящных искусств, Оружейная палата; Строгановское училище; научные общества – Археологическое, Московское архитектурное, Любителей иконописи, Любителей духовного просвещения и его церковно-археологическая комиссия; Комиссия по сохранению древних памятников Мо-

сковского археологического общества; Общество истории и древностей Российских; творческие союзы – «Изограф», Союз деятелей прикладного искусства, Московский профессиональный союз художников-живописцев, Профессиональный союз скульпторов; архивы – Иностранных дел, Юстиции, Министерства двора и Комиссара по охране сокровищ польского народа. До марта 1918 года комиссия работала на общественных началах, после переезда Советского правительства в Москву ее работа оплачивалась из ассигнований Моссовета. Председателем комиссии с декабря 1917 года был П.П. Малиновский, с 1 августа 1918 года – Н.Д. Виногорадов. В ведении комиссии находилась охрана государственных и частных музеев, библиотек, архивов, архитектурных памятников, художественно-образовательные учреждения.

18 ноября/1 декабря. ВРК постановил запретить вывоз из Кремля исторических ценностей и взял их под охрану воинского караула.

По распоряжению военно-политического отдела штаба округа арестован и препровожден в тюрьму редактор газеты «Сигнал» А.М. Митрофанов.

19 ноября/2 декабря. Экономический отдел Моссовета принял решение о введении рабочего контроля на всех предприятиях города, решения представителей которого были обязательными для владельцев предприятий. К февралю 1918 года рабочий контроль ввели на 73% предприятий.

19 ноября/2 декабря – 21 ноября/4 декабря. В Москве состоялись выборы в Учредительное собрание. На Скобелевской площади¹ прошли небольшие митинги и споры о том, кто виноват в ноябрьском кровопролитии.

20 ноября/3 декабря. В целях борьбы со злоупотреблениями спиртными напитками комиссар по гражданской части Москвы постановил: всем частным и казенным винным заводам ежемесячно представлять отчеты на все выпущенные напитки. Складам, магазинам и казенным лавкам отпускать денатурированный спирт только по удостоверениям комиссаров. За нарушение приказа пообещали виновных предавать военно-революционному суду.

¹ Ныне Тверская площадь.

В Малом зале консерватории состоялись лекция и концерт, посвященные творчеству Баха.

21 ноября/4 декабря. Президиум Моссовета принял постановление «О мерах по охране Кремля», для чего были созданы специальные отряды. В Большом театре оперой Верди «Аида» открыт первый сезон после революционных событий. Началась забастовка служащих всех амбулаторий московских больниц.

Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. В Успенском соборе Кремля состоялась интронизация¹ патриарха Тихона.

С утра без умолку гудели колокола сорока сороков московских церквей. Бесконечным потоком текли к Красной площади крестные ходы из всех приходов и монастырей. В израненный Кремль, охраняемый множеством вооруженных солдат, с разрешения властей открыли ворота. Но всех верующих, пришедших на торжество, не вместил ни Кремль, ни даже Красная площадь, и они заполнили близлежащие улицы. В Успенском соборе холодно – западная стена пробита большим снарядом. На восточной стене висит Распятие Господа Иисуса Христа с оторванными снарядом руками. Жуткий символ – что же он значит? Теплятся жертвенные лампы. Повсюду пожелтевшие от времени лики святителей и чудотворцев. Еще свой, родной этот главный храм, и не хочется думать, что он уже недоступен для русского паломника.

Входят в собор певчие, следом члены Собора, за ними смиренно, с опущенным взором Божий избранник Тихон. Посреди храма облачают Святейшего в великолепные одежды. Четыре старейших архиерея начинают божественную литургию. И вот избранник, поддерживаемый священнослужителями, входит в алтарь и встает на Горнее место². Весь народ, как на Пасху, держит в руках зажженные свечи. Два митрополита, Владимир и Платон, берут Великого господина Тихона под руки и трижды сажают на так долго пустовавшее патриаршее место.

¹ *Интронизация* – торжественное возведение на престол (лат.).

² *Горнее место* – место в алтаре, где ставится на возвышенности седалище епископа.

– Божественная благодать, немощная врачующи, оскудевающая восполняющи и промышление всегда творящи о святых своих Православных Церквах, посаждает на престоле святых первосвятителей Российских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Гермогена – отца нашего Тихона, Святейшаго патриарха великого града Москвы и всея России, во имя Отца. Аминь... И Сына. Аминь... И Святаго Духа. Аминь.

– Аксиос! Аксиос! Аксиос! – поют полным голосом хор и весь народ.

Митрополиты с помощью диаконов облачают патриарха в древние одежды его святых и великих предшественников. «Впору пришлишь... Как на него шиты», – шепчут в толпе. Архидиакон Розов, знаменитый на всю Россию могучим, как колокол, голосом, «царь-диакон» – по прозвищу москвичей, возглашает многолетие патриарху Московскому и всея России Тихону. «...И богочраимой державе Российской, – гремит его голос, – мно-о-о-огия ле-е-ета-а-а!»

А где она, держава?..

По окончании божественной литургии первоиерарх Русской Церкви сменяет святое древнее облачение на мантию и белый клобук патриарха Никона – опять пришлишь впору! – и, приняв из рук митрополита Владимира посох святителя Петра, обращается к народу:

– Устроением Промышления Божия мое вхождение в сей соборный патриарший храм Пречистыя Богоматери совпадает с всечестным праздником Введения во храм Пресвятая Богородицы. Сотвори Захария вещь странну и всем удивительну, егда введе Отроковицу им самую внутреннюю скинию, во святая святых, сие же сотвори по таинственному Божиему научению. Дивно для всех и мое Божиим устроением нынешнее вступление на патриаршее место, после того как оно свыше двухсот лет стояло пусто. Многие мужи, сильные словом и делом, свидетельствованные в вере, мужи, которых весь мир не был достоин, не получили, однако, осуществления своих чаяний о восстановлении патриаршества на Руси, не вошли в покой Господень, в обетованную землю, куда направлены были их святые помышления, ибо Бог предзрел нечто лучшее о нас. Но да не впадем от сего, братие, в гордыню. Один мысли-

тель, приветствуя мое недостойнство, писал: "Может быть, дарование нам патриаршества, которого не могли увидеть люди, более нас сильные и достойные, служит указанием проявления Божией милости именно к нашей немощи, к бедности духовной?". А по отношению ко мне самому дарованием патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как много для сего мне недостает. И от сознания сего священным трепетом объемлется ныне душа моя. Подобно Давиду, и я мал бех в братии моей, а братии мои прекрасны и велики, но Господь благоволил избрать меня. Кто же я, Господи, Господи, что Ты так возвел и отличил меня? Ты знаешь раба Твоего и что может сказать Тебе. И ныне благослови раба Твоего. Раб Твой среди народа Твоего, столь многочисленного, – даруй же сердце разумное, дабы мудро руководить народом по пути спасения. Согрей сердце мое любовью к чадам Церкви Божией и расшири его, да не тесно будет им вмещаться во мне. Ведь архипастырское служение есть по преимуществу служение любви. Горохищенное обрет овча, архипастырь подымлет е на рамена своя. Правда, патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и орудейной смертоносной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности пророку Илии явился Господь не в буре, не в трусе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне на наши малодушные укоры: Господи, сыны Российские оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, стреляли по храмовым и кремлевским святыням, избивали священников Твоих – слышится тихое веяние словес Твоих. Еще семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным Ваалом и не изменили Богу истинному. И Господь как бы говорит мне так: "Иди и разыщи тех, ради коих пока еще стоит и держится Русская земля. Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на гибель, на заклание, овец, поистине жалких. Паси их, и для сего возьми жезл сей благоволения. С ним потерявшуюся – отыщи, угнанную – возврати, пораженную – перевяжи, больную – укрепи, разжиревшую и буйную –

истреби. Паси их по правде". В сем да поможет мне Сам Пастыреначальник, молитвами и предстательством Пресвятая Богородицы и святителей Московских. Бог да благословит всех вас благодатию Своею. Аминь.

Во всем величии роскошного убранства, благословляя православный народ и солдат, охраняющих от народа Кремль, патриарх направился на Красную площадь. Радостные москвичи крестятся, опускаются на колени, приветствуя своего Батюшку. Даже охрана Кремля, еще минутою назад гордая своим атеизмом, гасит папироски и скидывает шапки.

– Отец наш, заступник, помолись за нас, – молит седой крестьянин.

– Долгих лет тебе и многих радостей, батюшка, – улыбается молодая работница.

И вдруг захохотала женщина с распущенными волосами:

– Недолго, недолго вам радоваться. Убьют, убьют вашего патриарха!

Прожил с тех пор патриарх Тихон чуть более семи лет, перенес тюремное заключение и несколько покушений на свою жизнь, и преставился в шестьдесят лет. Все дни его первосвятительского служения были постоянным умиранием за свой народ, за все церкви Российские, как предрек он себе в день избрания, тяжкий крестный путь страданий и сомнения по сравнению с которым смерть – благо. Кончилась жизнь, настало житие мученика.

23 ноября/6 декабря. Армяне избрали Временный национальный комитет армянской колонии в Москве, Он взял на себя защиту национального достоинства армян в городе: Лазаревский институт восточных языков, армянские церкви, Касперовский приют, Армянское кладбище.

Декрет СНК о суде. На его основании президиум Моссовета упразднил Московскую судебную палату, Московский окружной суд, Московский коммерческий суд и начал создавать советский суд. К концу декабря в разных районах уже действовало 20 местных судов, а еще месяц спустя их уже было 30.

24 ноября/7 декабря. Сведения о продвижении генерала Корнилова вызвали тревогу у московских большевиков. Они постоянно звонили в Петроград с просьбой о подкреплении, уверяя, что самим им с корниловцами не справиться.

В Малом зале консерватории состоялся концерт А.Б. Гольденвейзера. Пианист исполнил произведения Шопена.

25 ноября/8 декабря. Газета «Утро России» сообщала: «На Сухаревской площади с раннего утра до позднего вечера, несмотря на все события, продолжалась торговля. Здесь можно было купить все: начиная от продуктов и заканчивая дорогими собольими мехами и бриллиантами. После прихода к власти большевиков торговцы боялись, что они установят строгий контроль за торговлей. Действительно, в первые дни своего властвования большевики пытались бороться со спекуляцией, и для этой цели расставили на площадях красногвардейцев, которые конфисковали у спекулянтов продукты и мануфактурные товары и передавали их в районные советы. Однако вскоре блюстители порядка поняли, что контроль над торговлей – доходное дело. Красногвардейцы стали предлагать покупателям за 5–10 рублей содействие в приобретении товара. Солдат во время торгового опеканого им лица подходил и строго обращался к торговцу: “Ты смотри у меня, не дери лишнего”. И тут же устанавливал твердую цену на товар».

26 ноября/9 декабря. Московский археологический институт отпраздновал 10-летие своего существования.

Постановление Моссовета «О борьбе с грабежами».

27 ноября/10 декабря. Закрыта газета «Русское слово», ее типография и запасы бумаги решено передать для нужд большевистской печати.

Москвич Никита Окунев записывает: «Вышел новый декрет об отмене частной собственности на дома в городах. Вот так штука: не было ни денег, ни ценностей – был отцовский дом, нажитый его многолетними трудами, и вот теперь он не мой».

На одной из частных квартир собрались меньшевики, эсеры и кадеты для создания организации, получившей название «Московский союз защиты Учредительного собрания». Цель союза – объединение жителей Москвы и Подмосковья под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию».

28 ноября/11 декабря. Командующий войсками Московского военного округа А.И. Муралов приказал комиссарам военных учи-

лищ и школ прапорщиков немедленно приступить к составлению комиссий по ликвидации училищ и организации в их помещениях военно-революционных комитетов.

Москвич Никита Окунев записывает: «Вот иллюстрация существующего в Москве внешнего порядка: в центре города, на Большой Лубянке, лежит уже пять дней дохлая лошадь, и если бы не морозная погода, то этой улицей не пройти бы».

29 ноября/12 декабря. Большевики захватили общедоступные столовые. Они потребовали от их служащих дать подписку о подчинении ВРК. В случае отказа служащих отстраняли от должности и на их места ставили своих сторонников.

30 ноября/13 декабря. Московский ВРК телеграфировал в Петроград, в СНК, что, основываясь на принципе децентрализации власти, не будет считаться с декретом об упразднении судов, и что он предписал судам восстановить свою работу.

Ноябрь. Образован Финансовый отдел Моссовета. В 1920 году он слился с Московским губернским финансовым отделом. В 1929 году переименован в Московский областной финансовый отдел, который в 1931 году был разделен на Московский городской финансовый отдел и Московский областной финансовый отдел. Городской финансовый отдел 15 апреля 1937 года был преобразован в Московское городское финансовое управление.

Образован Жилищно-земельный отдел Моссовета (Жилземотдел) с целью проведения в пределах Москвы муниципализации частных квартир, доход владельцев которых превышал 750 рублей в год, и «уплотнения» владельцев домов с центральным отоплением. К концу года было реквизировано 216 домовладений, и в них переселили 20 тысяч рабочих.

1/14 декабря. Начальник московской милиции издал приказ: «Кафе, трактиры и рестораны при наличии продажи или распития в них спирта и его суррогатов могут быть закрываемы властью местного комиссара... Если же есть только твердая уверенность, что в ресторане происходит продажа или распитие спирта и пр., но улики на то нет, то закрывать единолично властью комиссара не следует. Предварительно необходимо обратиться в противоалкогольную комиссию с протоколами и мотивировками».

2/15 декабря. Создан Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ) для регулирования экономической жизни. Органами ВСНХ на местах стали Советы народного хозяйства (совнархозы).

Президиум Моссовета принял постановление о реквизиции все ценностей, находящихся свыше двух месяцев в таможенных, и о передачи их в Государственный банк. Также было принято постановление об усилении караулов на улицах Москвы.

Началась забастовка городских служащих в поддержку Учредительного собрания. Прекратились занятия во всех городских училищах, судебных мировых учреждениях, библиотеках, городской типографии, общедоступных столовых, городских складов. Были закрыты лавки, городские бойни, адресный стол, ломбард. Прекратился прием городских сборов, оплата счетов, выдача пайков увечным и беженцам.

На Ярославском вокзале толпа солдат, заподозрив в одном из мужчин вора-карманника, забила его до смерти.

3/16 декабря. Московский союз защиты Учредительного собрания устроил демонстрацию. К часу дня на Красной и Воскресенской площадях и прилегающим к ним улицам собралось до 150 тысяч человек. Шествие двинулось по Тверской улице под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» На Миусской площади состоялся митинг. Из толпы собравшихся слышались возгласы: «Долой насильников-большевиков!», «Да здравствует свобода печати!», «Долой Ленина и Троцкого!».

В Большом театре состоялась премьера оперы Сен-Сана «Самсон и Далила». Дирижер Э.А. Купер, балетмейстер А.А. Горский. Исполнители: И.С. Дыгас (Самсон), Н.А. Обухова (Далила), Ф.В. Павловский (Верховный жрец Дагона), М.В. Воротынский (Абемелих), В.Р. Петров (Старый еврей).

4/17 декабря. С помощью военных закрыты все судебные учреждения.

5/18 декабря. Открылось отделение нью-йоркского Сити-банка, которое пообещало вкладчикам, что даже если их деньги будут конфискованы большевистской властью, вклады будут выплачены в русской валюте в Нью-Йорке.

6/19 декабря. Закрыт Московский мировой суд, а его помещения опечатаны.

Постановление президиума Моссовета о запрете без его разрешения в городе собраний и сборищ на улицах и площадях.

7/20 декабря. Постановление СНК РСФСР о создании Чрезвычайной комиссии (ЧК).

Бюро Совета районных дум произвело выемку денежных средств из Московской конторы Государственного банка на сумму в один миллион рублей.

Президиум Моссовета объявил город на военном положении.

Установлена военная цензура для всех периодических изданий.

У всех булочных толпилось много народа, но хлеб так и не завезли.

8/21 декабря. Газета «Социал-демократ» сообщила: «Объявляется, что с 5 декабря на газовом заводе все дела перешли в ведение комитета рабочих. Всякие документы, исходящие не от комитета или не закрепленные его подписью, будут считаться недействительными».

Постановлением президиума Моссовета в Москве и ее пригородах учрежден революционный трибунал. В городе введено военное положение.

9/22 декабря. Постановление Моссовета немедленно арестовать, как врага Советской власти, владельца завода акционерного общества «Русская машина» Л. Михельсона, конфисковать все имущество завода и передать его в собственность Республики.

Москвич Никита Окунев записывает: «Жить жутко: каждый мало-мальски порядочный человек теперь “враг народа”, и любой из них – страшный преступник, потому что он не принимает участия в разбоях, захватах, поруганиях над лучшими людьми, обысках и доносах».

10/23–16/29 декабря. 2-й Московский областной съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

11/24 декабря. Моссовет принял решение об организации комиссариата по судебным делам – высшего органа судебной власти в Москве. Его возглавил Д.И. Курский.

14/23 декабря. Декрет ВЦИК о национализации банков.

15/28 декабря. Все 18 городских частных банков национализированы и объединены в один банк, получивший название Московского отделения народного банка, который

просуществовал до декабря 1918 года, когда был превращен в обычную контору Государственного банка.

Москвич Никита Окунев записывает: «Шествует царь-голод, безхлебица и царица нищеты – безработица. Чернорабочие требуют уравнение платы с рабочими обученными, солдаты – с красногвардейцами, красногвардейцы – с офицерами. Заводы и фабрики вешают на двери замки, банки по неделе совсем закрыты. Арестуют фабрикантов, банковских директоров, городские служащие бастуют. Воровство, грабежи повсеместные. Если кто еще не обворован, то не потому, что он принял какие-то меры, а потому, что до него очередь не дошла».

Из обращения ВЧК «Ко всем Советам на местах»: «При Совете Народных Комиссаров образовалась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Комиссия обращается ко всем рабочим, солдатам и крестьянам с призывом прийти на помощь комиссии в борьбе с врагами революции. Все сведения и данные об организациях и отдельных лицах, деятельность которых направлена во вред революции и власти народа, направляйте в комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Комиссия предлагает всем Советам на местах немедленно приступить к организации таких же комиссий».

17/30–18/31 декабря. Губернский съезд Советов крестьянских депутатов.

20 декабря/2 января. Закрыты все частные банки, а их помещения взяты большевиками под охрану. В знак протеста банковские служащие забастовали.

Продовольственная управа выпустила постановление о сокращении хлебного пайка с 1/2 фунта до 1/4 фунта¹.

Профессор М.А. Мензбир сложил с себя полномочия ректора Московского университета.

21 декабря/3 января. Продовольственный отдел Общества заводчиков и фабрикантов доставил на свои склады около 700 вагонов дров для снабжения служащих и рабочих торгово-промышленных предприятий.

Опубликован декрет о введении нового правописания.

22 декабря/4 января. Общее собрание рассыльных Центрального телеграфа постановило признать практиковавшиеся до сих пор праздничные сборы денег унижающими честь и достоинство пролетариев и отменить их навсегда.

24 декабря/6 января. Вышел в свет первый номер сатирического журнала «Соловей». Участие в нем приняли В. Маяковский, Д. Бедный и Л. Котомка. Издание прекратилось на втором номере в феврале 1918 г.

26 декабря/8 января. В художественном салоне на Большой Дмитровке открылась выставка картин «Мир искусства».

28 декабря/10 января. На почтамте получен декрет комиссара труда, что все служащие почт и телеграфа объявляются отбывающими общественную трудовую повинность. Их отказ от работы в почтово-телеграфных учреждениях будет расцениваться как государственное преступление.

В Таганских центральных мастерских большевики реквизировали все исправные двуколки и повозки.

29 декабря/11 января. В город прибыли отряды матросов Балтийского флота для борьбы с все нарастающей преступностью и для охраны жизни и имущества москвичей. Руководить этими отрядами назначили начальника уголовно-розыскной милиции К.П. Маршалка.

Москвич Никита Окунев записывает: «Для меня, человека в сущности необразованного, теперь совершенно ясно, что “свобода” – это самое страшное рабство. Все теперь взрослые люди обвиты, спеленаты, затянuty политической дисциплиной, профессиональными союзами, советами, комитетами, мандатами, карточками, декретами, нормировками, налогами, обьсками, самоохраной, экспроприациями, уплотнением, углублением. На всех точно надели серые мешки, всех занумеровали, всех ограничили и всем наказали: “Лопай, плюй, спи и не разговаривай”. И только неосмысленным подросткам теперь такая свобода, какой никто из нас не имел, да и не нуждался. По московским тротуарам и бульварам шляются на коньках отчаянные мальчишки с папиросами в губах, а около бань прохаживаются для продажи своих хилых прелестей их сверстницы, лишенные стыда и надзора, потому что теперь нет ни проституции, ни цер-

¹ 1 фунт равен 409,5 граммам.

ковных браков. Все свободно, все ограждено, но не ограждено ни от преступлений, ни от ужасных болезней. Впрочем, их будущность ужаснее переживаемого нами – взрослыми. Да и вообще все то, что впереди, – не возрадует ни одной глубокой души. Не будет такого поколения, появление которого примирило бы человечество с его теперешними поношениями. Не будет ни голубых, ни синих, ни карих глаз. Нельзя и недемократично любоваться голубым небом, синевой морей и зеленью лесов и лугов. Будут все “красноглазые” от неперестанного зрелища красных тряпок и от кровавого похмелья. Счастливое животное царство!»

Декабрь. Состоялся 1-й съезд делегатов Всероссийского союза обществ заводчиков и фабрикантов. Съезд вынес решение закрыть те предприятия, где рабочие будут вмешиваться в управление производством.

В течение месяца в городе было муниципализовано четыре тысячи крупных домов.

Конец декабря. В некоторых магазинах, несмотря на войну с Германией, появились немецкие товары: чулки, нитки, гребешки, ленты, кружева, обувь.

Состоялся бесплатный концерт для рабочих фабрики «Эфрос и К°» (в Филях) в честь Нового года. Газета «Социал-демократ» 31 декабря (по старому стилю) сообщила: «Все исполнители имели большой успех, в особенности известный баян русской песни Г. Садовников, артистка театра Незлобина – г. Третьякова и артистка государственного балета г. Цаплева. Зрители горячо принимали артистов и преподнесли им благодарственный адрес».

Купец и общественный деятель П.А. Бурышкин вспоминал: «Собрания управы¹ происходили на частных квартирах, – большей частью у члена управы С.А. Морозова, – и очень хорошо посещались. Помню трогательную подробность: на эти собрания регулярно приходил председатель Городской Думы О.С. Минор, глубокий старик, который обычно говорил: “Я посижу с вами, мешать вам не буду, но если вас арестуют, то я буду с вами”. Устраивались иногда и заседания Думы – для протеста – в университете Шанявского, на Миусской площади».

31 декабря/13 января. В манеже Алексеевского военного училища в Лефортове состоялись митинг и концерт «в честь первого после Октябрьской революции Нового года». Присутствовало свыше восьми тысяч рабочих и солдат. Об этом концерте писатель Александр Серафимович писал: «К краю эстрады скромно подходит девушка в белом с черным, со скрипкой... Слыхали ль вы, как перестают дышать восемь тысяч человек?.. Девушка принесла свое чудесное искусство, свое творчество. И его бережно приняли и теперь благодарили. Выходили певцы, пели. Выходили артисты, читали. Я прочитал рассказ... Никто не хочет уходить. Хотелось еще и еще продолжать этот необычайный вечер... Молодежь сгрудилась к эстраде, уже несется оттуда хор “Кузнецы”, кующие счастье народа. В другом месте взывает “Интернационал”. Гремит прощальный привет оркестра».

В течение года. Выстроено здание Брянского вокзала² (архитектор И.И. Рерберг, при участии В.К. Олтаржевского).

¹ Московской городской управы

² С 1934 года – Киевский вокзал.

СОДЕРЖАНИЕ

Преддверие	5
1917 год	8
1918 год	24
1919 год	75
1920 год	98
1921 год	112
1922 год	124
1923 год	143
1924 год	161
1925 год	181
1926 год	201
1927 год	224
1928 год	246
1929 год	261
1930 год	276
1931 год	290
1932 год	301
1933 год	312
1934 год	322
1935 год	334
1936 год	344
1937 год	354
1938 год	370
1939 год	381
1940 год	390
1941 год	398
1942 год	444
1943 год	460
1944 год	470
1945 год	476
1946 год	489
1947 год	502
1948 год	514
1949 год	522
1950 год	533
1951 год	542
1952 год	549
1953 год	561